

ОТПУСК

История в трёх действиях, о том, как всё устроено на самом деле

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мария Леонидовна - доярка 48 лет, монада
Алексей Семёнович - серийный убийца 48 лет, монада
Евламий - монах 48 лет, монада
Ольга - дочь Марии Леонидовны
Сергей Тропников - журналист
Егорий - послушник
Директор турагентства - монада
Главный эксперт - монада
Начальник приёмного отдела - монада
Заведующий лабораторией - монада
Секретарь-референт - монада
Девушка с гитарой - монада
Витя - монада
Монады

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

В центре рая приёмная директора турагентства. Секретарь-референт работает за компьютером, на стульях сидят монады Мария Леонидовна, Алексей Семёнович и Евламий.

Алексей Семёнович: Жарко тут у вас сегодня.

Секретарь-референт: Кондиционер сломался. Третий день как заявку отправили, а мастера всё нет. Вы же знаете.

Алексей Семёнович: Нектар хоть остался?

Секретарь-референт: Конечно. В холодильнике возьмите. Открывашка на журнальном столике.

Алексей Семёнович: Спасибо.

Евламий: Какой?

Алексей Семёнович: (смотрит на бутылку) Морковный.

Евламий: А бананового нет?

Секретарь-референт: Нет. Только морковный и апельсиновый.

Евламий: Не балуете, гляжу, ассортиментом клиентов-то.

Секретарь-референт: У нас официальное агентство: на что лимит выделили, то и в ассортименте. Это на тёмной стороне вам что пожелаете, то и предложат. У них фонды неограниченные. А у нас с этим строго.

Мария Леонидовна: Знаем мы этот их ассортимент, и к чему он ведёт знаем.

Евламий: А многие, понимаешь, липнут же на рекламу как мухи, приходят к ним. Потом локти кусают, а поздно.

Алексей Семёнович: Да уж. Вначале за нектаром черничным, потом в кинозал - и всё, засосала красивая жизнь. Не заметишь, как и договор подпишешь.

Мария Леонидовна: Вот я вам скажу, у нас на днях случай был...

Голос по громкой связи: Пришли?

Секретарь-референт: Да, все на месте.

Голос по громкой связи: Дела принеси. Пусть ждут пока.

Секретарь-референт достает из ящика стола три папки, уносит их в кабинет директора. Возвращается.

Евламий: Долго ждать-то ещё?

Секретарь-референт: Вызовут.

Алексей Семёнович: (смотрит на часы) Третий год уже сидим. Развели бюрократию.

Мария Леонидовна: Ничего, дольше ждали. В очереди сюда двести пятьдесят лет постой-ка.

Евламий: Сразу за мной вы занимали тогда. Помню, как же.

Мария Леонидовна: Да. (Алексею Семёновичу) А потом вы за мной записались.

Алексей Семёнович: Так тройками с тех пор и запускают. Давно могли бы уже на пятёрки перейти. Нет, прогресс, видите ли, не наш метод. У нас духовность и стабильность же. Здоровый консерватизм.

Евламий: А я вот помню, как с четвертого круга в третий поднялся, там у нас прогрессистов оказалось, не совру, тысяч сорок. И далеко не самые глупые особи были ведь, должен вам сказать.

Мария Леонидовна: Ой, всё. Слушайте, не будьте занудами. Тут ждать-то теперь всего ничего. вспомните, какая очередь на улице осталась. Ну и вот.

Алексей Семёнович: (Евлампью) А в прошлый раз с какого круга восхождение начинали? Бестактный вопрос, понимаю. Но столько лет локоть к локтю в очереди. Да и заканчивается уже, судя по всему, наше долгое вынужденное знакомство. Можно и пооткровенничать напоследок, я считаю.

Мария Леонидовна: Думаете, всё гладко пройдёт? Не завернут в последней инстанции?

Алексей Семёнович: Да с чего бы? Давно искупили, чисты аки голуби. Честно заслужили свой законный отпуск. Не волнуйтесь вы.

Евламий: Голуби не так чисты, как вам представляется. Зоонозные инфекции, орнитоз, всё такое. Я сюда из заводчика почтовых голубей вернулся в последний раз. Тринадцатый век, Сычуань. В пятый круг, если уж вы спросили.

Алексей Семёнович: Ого. Вредная профессия, оказывается.

Евламий: Да прям, профессия как профессия. Вполне доходная по тем временам, кстати. Вот на опий и подсел. Деревню свою сжёг, сорок душ сгорели. В кумаре был, ничего не помнил. Потом здесь, конечно, предъявили - как двери подпирал, как в окна шары с горящей смолой бросал. Голуби тоже сгорели, понятно.

Мария Леонидовна: А семья?

Евламий: Та самую первую.

Алексей Семёнович: Ясно. Голуби по отягчающей потащили. Тут уж точно пятый круг, не меньше. Нет, я с третьего начал.

Мария Леонидовна: Рассказывайте теперь, ваша очередь. Всё ждать веселее.

Алексей Семёнович: Да просто всё у меня было. В Марселе портовой девкой отдыхала. Как раз пароходы уже появились. Детей в своей утробе травила - штук пять, кажется. Нет, я без претензий - срок по делу. А вы как последний свой отпуск провели? Крайний, я имею в виду.

Мария Леонидовна: Ох, давно это было. В легионеры пошёл, дослужился до центурия когорты.

Евламий: Римская империя, значит.

Мария Леонидовна: Ну как империя. Республика, вроде. Мы не особо разбирались как оно там при цезаре Гае Юлии всё устроено было. Солдату воевать положено, а не политикой интересоваться. Вышли граждане протестовать против власти - власть нас направляет зачистить мятеж, мы исполняем. Потом грабим, конечно. Ну а методы известно какие. Моя когорта при Аравике отличилась. Уж не знаю сколько мы тысяч галлов этих вырезали тогда. Но я был только солдат, я исполнял приказ. А меня в седьмой круг.

Алексей Семёнович: Детей насиловал?

Мария Леонидовна: Все насиловали. Нет, я осознал, раскаялся и вообще. Но осадок остался.

Евламий: Вы бы поменьше тут таких разговоров вели. Неровён час.

Алексей Семёнович: Ну, перестаньте. Просто так сюда никого из седьмого круга не поднимут. Анкеты у нас давно чистые. Расслабьтесь, отпуск впереди, романтика дальних дорог.

Евламий: Дорога дальняя, казённый дом.

Алексей Семёнович: А пессимизм, в смысле уныния - страшный грех, между прочим.

Евламий: Возьмите и первый бросьте в меня камень, оптимист вы наш просветлённый.

Алексей Семёнович: Чего это вы меня в мужском роде? А если я на вас заявление за человекообразную лексику?

Евламий: Уж и сказать ничего нельзя. Ладно, простите великодушно. Все мы тут на нервах.

Алексей Семёнович: Пользуетесь моим практически ангельским терпением. Ладно, проехали. (Жмут друг другу руки).

Мария Леонидовна: А я вот лично знаю троих, кого после отпуска на светлой стороне оставили.

Алексей Семёнович: Редко, но случается.

Евламий: "Кто в кругах не бывал, тот света не познавал". Пословицы на пустом месте не рождаются.

Алексей Семёнович: Я правда не понимаю: как это после отпуска в круги не попасть? Не чувствуешь в себе потенциала - не записывайся, освободи место в очереди. Если окончательный, полноценный святой, существуй себе здесь, наслаждайся. Нектар вон пей морковный, по райскому саду броди. Зачем тебе отпуск, если ты что там, что здесь одинаковый? Это как на рыбалку со своими карасями ехать.

Мария Леонидовна: Чего бы вы понимали.

Алексей Семёнович: А что не так?

Мария Леонидовна: Мне они объясняли: мы не для себя, мы для людей туда спускаемся. Типа, своим примером показываем, как можно и нужно. Чтобы меньше монад потом оттуда в круги уходило.

Алексей Семёнович: Разве что. Но мутное объяснение, честно говоря.

Евламий: Да. Сегодня они пять тысяч монад от кругов избавят, потом те ещё пятьдесят - и что, вскоре вообще в кругах никого не останется? Может тогда и тёмную сторону отменить за ненадобностью? Это один момент. Плюс к тому, вы же не первую сотню лет как на свет вышли. Это поначалу кажется, что здесь до конца времён можно нежиться в тепле да уюте. После кругов-то тут полный восторг и упование, даже если ты только в первом побывал. Уж не говоря о втором и ниже. Но ведь уже на второй сотне лет и нектар приедается, и звук лиры раздражать

начинает, и небо это бездонной синевы, безоблачное. Вот душа отпуска и требует. А если не требует, то и не пиши заявление, не путайся под ногами. Праведников развелось.

Мария Леонидовна: Ну, не знаю. Мне что сказали, то я вам и передала. Врать мы здесь не умеем, сами знаете.

Голос по громкой связи: Приглашай.

Алексей Семёнович: Дождались, слава тебе, господи.

Секретарь-референт: (открывает дверь в кабинет директора) Прошу.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Кабинет директора турагентства выдержан в современном, но вполне канцелярском стиле. На стене дипломы в рамках, над столом икона руководителя всего сущего. Посетители мнутя посередине кабинета.

Директор турагентства: Здравствуйте.

Монады нестройно отвечают на приветствие.

Прошу извинить за вынужденную задержку. Был призван на совещание туда (палец вверх). Сделал доклад по своему ведомству, услышал много верных и полезных замечаний. Получил ценные указания. Будем учиться работать по-новому. Время требует современных подходов.

Алексей Семёнович: Неужто с троек на пятёрки перейдём?

Директор турагентства: Ну нет. Это радикализм уже какой-то. По крайней мере, не в реалиях сегодняшнего дня. Там в курсе о существующей в узкой прослойке нашего общества таких экзотических настроений, но не одобряют их... Да вы присаживайтесь, рабы божьи: инструктаж - дело неспешное. Тем более, что именно вы станете в некотором роде первопроходцами, проводниками, так сказать, новой каникулярной политики.

Монады рассаживаются за столом, стоящим перпендикулярно директорскому.

Директор демократично занимает место среди них.

Мария Леонидовна: Боюсь я всяких нововведений.

Евламий: Да, а почему именно мы должны на себе испытывать этот эксперимент?

Директор турагентства: Во-первых, потому что ваша тройка оказалась первой в очереди к сегодняшнему судьбоносному моменту. Всё равно с кого-то нужно же начинать. Я внимательно изучил ваши формуляры: вполне рядовые добротные послужные списки у каждого. Некоторое фронтёрство тут кое у кого наблюдается, но в некритичной для эксперимента форме. В рамках статистической отчетности это может оказаться даже полезным. Так почему бы и нет?

Алексей Семёнович: А во-вторых?

Директор турагентства: А во-вторых, дорогие мои, вы же ещё не знаете о сути, но уже делаете поспешные выводы. Должен заметить, что мне доверительно сообщили: социология показывает - предлагаемые новшества будут положительно восприняты обществом.

Евламий: Кто сообщил?

Директор турагентства: Конь Блед в пальто. Какая разница? Тем более, что предлагаемые изменения в кодекс об отпуске практически не затрагивают интересы отпускников. Они не просто незначительны, они, по сути, косметические.

Алексей Семёнович: Ладно, чего мы тут. Выкладывайте, что там ещё удумали.

Директор турагентства: Уважаю деловой подход. Если коротко, то отныне тройки должны отправляться в отпуск не сами по себе, а группой.

Евламий: Так и до того все вместе стартовали, одновременно.

Директор турагентства: Поясняю. Не только одновременно, но и в одну страну проживания.

Алексей Семёнович: Чего?

Мария Леонидовна: Это как?

Евламий: Что за бред?

Директор турагентства: Боже мой, ну почему сразу бред? Вам что, не всё равно где отдыхать?

Алексей Семёнович: По большому счёту, всё равно, но как же свобода воли?

Директор турагентства: Слушайте, не будьте догматиком. Где ваши прогрессивные идеи? Где стремление к новому? Где ваша смелость, в конце концов? Вам предлагают испытать на себе практически прорывную технологию, а вы упорствуете в традиционализме. По-моему, это не очень последовательно в вашем случае.

Алексей Семёнович: Да мне-то всё равно.

Мария Леонидовна: А мне нет. Климат, знаете, имеет большое значение для полноценного отдыха. Если, допустим, этому нравится проводить отпуск на болотах, а этому - в горах, то почему я должна соглашаться с их странным выбором и отказывать себе в свежем морском воздухе?

Директор турагентства: А не нужно вам будет соглашаться с их климатическими зонами, и им с вашей не нужно. Понятно, что при таком подходе конфликтные ситуации неизбежны. Нам нужны конфликты? Нет, конфликты нам не нужны.

Евламий: И?

Директор турагентства: И согласно последней инструкции, тройки будут отправляться в отпуск по воле слепого жребия. Заходим на сайт "Отпуск сегодня",

набираем текущую дату - и генератор случайных стран выбрасывает на экран вашу отпускную мечту.

Мария Леонидовна: Мечту?

Директор турагентства: Душа моя, смирение - одна из главных добродетелей, если вы забыли. Мечту, именно мечту.

Алексей Семёнович: Про жребий даже не смешно. У вас сто раз монетку подбрось, она сто раз орлом ляжет. Если на то будет воля чья-то.

Директор турагентства: Послушайте, давайте без демагогии. Вот бумага, вот ручки - пишите заявление об отказе от отпуска. Чего мы тут других желающих задерживаем. Вы, конкретно вы, не согласны с новыми правилами?

Евламий: Отчего же? Начальству виднее.

Директор турагентства: Вы?

Алексей Семёнович: Мне в принципе всё равно куда.

Директор турагентства: Правильная какая принципиальность у вас, мне нравится. Вы?

Мария Леонидовна: А ну как там моря не будет?

Директор турагентства: На всё промысел божий. Вы против?

Мария Леонидовна: Упаси господь. Я за.

Директор турагентства: Вот видите, как всё просто. Я в вас не ошибся. Да и там оценят ваш безусловно верный выбор, отвечающий современным реалиям.

Алексей Семёнович: Ладно, какие ещё сюрпризы?

Директор турагентства: Больше никаких, видит бог. Всё на этом.

Звонит телефон, директор берёт трубку.

Слушаю... То есть, согласовано... Могли бы и раньше сообщить. (Кладёт трубку). Ну, вы поняли. Я сам был не в курсе. В общем, отпуск у всей тройки тоже завершится в один день.

Алексей Семёнович: Как мило. И сколько нам будет отмерено?

Директор турагентства: Генератор случайных чисел на том же сайте.

Евламий: Да я уже на один день согласен, лишь бы отсюда временно эмигрировать.

Директор турагентства: У нас тут свободная стр... В смысле, свободное место пребывания. Попробовали бы вы такое на тёмной стороне.

Мария Леонидовна: Давайте уже оформляться. Сколько можно.

Директор турагентства: Действительно. Больше вопросов нет? Начинаем процедуру?

Алексей Семёнович: Валяйте.

Директор турагентства: Спасибо. (Придвигает к себе ноутбук, открывает нужный сайт). Так, где тут у них... Ага, открылось... Ну, с чего начнем: со страны или с возраста?

Мария Леонидовна: С возраста, конечно.

Директор турагентства: Есть возражения? Тогда: раз, два, три - оп-ля! 48 лет. Извольте убедиться. Довольны?

Евламий: Это ещё по-божески.

Алексей Семёнович: Я худшего ожидал.

Директор турагентства: Мы привыкли к хуле и поношению. Незаслуженным, как вы только что могли убедиться. Ну что, переходим к стране?

Алексей Семёнович: Можно подумать, у нас есть выбор.

Директор турагентства: Отставить гнев и уныние. Итак, тырцаем в кнопочку. О, Россия. Любопытно.

Евламий: Там, кажется, чертовски холодно. И этот, как его, снег.

Мария Леонидовна: Вообще впервые слышу. Что там за народ - персы, мавры, атлантидцы?

Алексей Семёнович: Гипербореи там, если по вашей прошлой географии.

Мария Леонидовна: Нет, в географии силён тогда не был. А море, море там есть?

Директор турагентства: Море там есть. Их в России штук двадцать, кажется.

Мария Леонидовна: Отлично.

Евламий: А что там ещё есть? Вы же всё-таки турагентством числитесь здесь. Просветите клиентов.

Директор турагентства: В России есть всё: моря, горы, реки, озера, леса, тайга, степь, тундра. Природные, значит, ископаемые есть всякие. Климат? Климат, скажем так, разный. Страна не просто большая, а огромная, но порядка в ней не очень.

Алексей Семёнович: Разбойники или рыцари хулиганствуют?

Директор турагентства: Так сразу и не скажешь. Но люди душевные. Очень. Большею частью. Иногда верующие.

Евламий: А политическое устройство какое?

Директор турагентства: Странное, но бывает много хуже. Редко, но бывает.

Алексей Семёнович: Хорошо. Вы не вправе нам всё рассказывать о месте проведения отпуска, понимаю. Просто назовите три главных слова, которые характеризуют эту страну.

Директор турагентства: Пф-ф. Допустим, доброта, жестокость, водка.

Мария Леонидовна: Прелестно.

Директор турагентства: Ну что, будем завершать приятную процедуру?

Евламий: Будем.

Директор турагентства: (встаёт) Дорогие мои. Официальное турагентство поздравляет вас с заслуженным очередным отпуском и желает провести его так, чтобы вам не было стыдно за бесцельно прожитые годы. До встречи через сорок восемь лет. Вот ваши путёвки, которые одновременно являются пропуском на полигон отправления. Счастливого пути.

Монады прощаются, выходят из кабинета. Директор садится за компьютер. За сценой слышны бурные аплодисменты, приветственные выкрики провожающих, звучит "Прощание славянки". Затем всё стихает, возникает странный нарастающий звук, обрывается. Слышится плач новорождённого.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

События происходят одновременно и параллельно в трёх разных мизансценах: келье, тюрьме, больничной палате. Поочерёдно каждая мизансцена прерывается, внимание зрителя переключается на следующую.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

В монашеской келье горят лампада, керосиновая лампа и несколько свечей. За столом пьют чай Евламий и Егорий.

Евламий: Ну, какой же грех в интернете, Егорий? Интернет просто справочник и способ коммуникации. Не слушай ты этих бесноватых - грех всегда внутри, а не снаружи. Снаружи дождь бывает, снег, идиоты бывают или, наоборот, прекрасные души человеческие. А все остальное - здесь, исключительно внутри тебя происходит.

Егорий: А порнография, брате?

Евламий: А ты её видел?

Егорий: Я-то нет, но люди говорят.

Евламий: Врёшь же. Даже я видел, хоть двадцать лет уже как постриг принял. А уж вам, молодым, в нынешнее время сам бог велел. В смысле, чёрт.

Егорий: Да где ж ты её в обители-то нашёл, Евламий?

Евламий: Так до обители дело было. В детстве самые карты такие игральные с картинками немые в поездах продавали. А потом журналы появились "Пентхаус", "Хастлер". Успел застать. Да и в обители при желании много чего найти можно.

Егорий: В обители? Грех же.

Евламий: Невеликий это грех, Егорий, он в человеческую природу заложен. Похоть людская неизбывна, потому как направлена на продолжение рода. Оттого

для монашествующих он потяжелее, чем для мирян, тут конечно. Это как с ружьём, к примеру. Если ты охотник - ходи в лес, добывай зверя. А если нет, зачем тебе ружьё? Застрелиться разве. Вот такой грех всем грехам грех. А похоть - так, грешок лёгкий, незлобивый. Щекотка лукавого, чтоб не расслаблялись.

Егорий: В интернете сейчас порно на любой вкус: нажал на пару клавиш - и наслаждайся. Грешил я этим, брате, соврал я тебе. Так ведь таких как я миллионы. Потому и сомневаюсь: а ну как интернет - бесовское порождение? Тут как, искусил дьявол учёного великим открытием для человечества, тот его и сделал. Думал, облегчение людям выйдет, а оно во вред пошло. А лукавый сидит сейчас руки потирает, радуется.

Евламий: Свет дадут нам сегодня, нет? Как думаешь?

Егорий: Не знаю. Авария на подстанции, похоже.

Евламий: Без света никак невозможно человеку, без света человек обратно в зверя превращается. Вот сидим мы с тобой сейчас, полуночицаем при свечах - всё лучше, чем в темноте кромешной, верно? А при лампе электрической ещё светлее. Так ведь и от свечи пожар случается, и током людей убивает иногда. И свечу, и электричество тоже люди изобрели. Божий это промысел или дьявольский искус? Найдутся обязательно те, кто любой прогресс злом называет. Не верь ты им, Егорий, души их коростой покрылись, она их от Бога отъединяет. Создателю дерзновенные души милее, ему творцы нужны, а не запретители. Вот от этого и пляши в своих рассуждениях.

Егорий: Ты, Евламий, монах, конечно, авторитетный, но зачем ты при настоятеле.

Евламий: Что я при настоятеле?

Егорий: Мысли крамольные речёшь.

Евламий: Говоришь. Откуда ты понахвататься этого "речёшь" уже успел? Не крамольные я мысли говорю, а свои. Думать человеку полезно, а высказывать то что надумал, незазорно.

Егорий: То-то он вчера в трапезной про неверующих паломников три раза поминал, которые сплошь в модной одежде, с татуировками, пирсингом. Они ж к тебе все стремятся, каждый день очередь в гостевые дома выстраивается.

Евламий: Так плохо ли это, Егорий?

Егорий: Не знаю. Доход они, конечно, знатный монастырю приносят.

Евламий: И кому от этого хуже? Уж точно не настоятелю, верно? Ну да бог с ней, с экономикой. Неверующий паломник - недоразумение, конечно, на первый взгляд. С чего бы благополучному горожанину паломничать по святым местам? Что, у него других потребностей нет? Да есть конечно. Всё у него есть - дом, семья, машина, деньги, а только внутри пусто. Неважно, крещёный ты, некрещёный, но пустота эта

многих пугать начинает. Каждого в свой срок, понятно. Неуютно им, понимаешь, становится. Ты же от своего неюта сюда пришёл, так?

Егорий: Так-то так, но я с верой с малолетства. Первый раз всю ночь в пять лет отстоял. А когда родителей одного за другим господь прибрал, то и выбора у меня никакого не осталось - эта пустота и в обитель привела, куда ж ещё-то. Со мной мне всё ясно, а вот с ними не очень. По мне так, мода это просто на тебя такая сейчас в миру образовалась. Раньше на Никаса Сафронова ходили смотреть, теперь - на святого Евлампия. Ты и говоришь не по-церковному, и биография у тебя богатая, и в телевизоре тебя уж сколько раз показывали. Завёл бы видеоблог, сразу миллион подписчиков получил бы.

Евлампий: Так давай заведём, за чем дело стало? Ты у меня режиссёром-оператором будешь, я - звездой интернета. (Смеётся). Пустое это, Егорий. Внутреннюю пустоту интернетом не заполнишь. Не мода здесь на святого Евлампия, а обычный поиск души. Они слышали, знают, что душа есть у человека, должна быть, а соединиться с ней не могут. А как ты с ней соединишься, если не через Бога, через веру? Вот и ищут люди дорогу, подсказку ищут у тех, кто тропинку эту знает и объяснить её может. Они такого толкового проводника и в святые записать готовы. (Смеётся). А из меня святой, как из Карлсона фея. Да ты и сам знаешь.

СЦЕНА ВТОРАЯ

В тюремной комнате для свиданий разговаривают через разделительное стекло Алексей Семёнович и Сергей Тропников.

Сергей: Почему именно я?

Алексей Семёнович: Не знаю. Наврал ты больше всех писак про меня, нафантазировал. Посмотреть захотел, какой ты на самом деле.

Сергей: Странное у вас последнее желание, Алексей Семёнович.

Алексей Семёнович: А чего мне ещё желать? Сигарет вон почти целая пачка осталась. Простое человеческое удовлетворение любопытства напоследок.

Сергей: Свидание с матерью могли бы попросить.

Алексей Семёнович: Дурак ты, Тропников. Ни хрена ты не понял в моей жизни, хоть и статей написал на целую книгу. Будешь ведь книгу писать про зареченского маньяка? Будешь, по глазам вижу. Нормально - продашь, лавэ поднимешь. Посмотрю хоть, кто на мне заработает.

Сергей: Ну и что я не понял в вашей жизни?

Алексей Семёнович: Ну и что я не понял в вашей жизни?

Алексей Семёнович: Я же говорю, ничего. Мать ко мне даже на первой ходке в колонию для малолеток ни разу не приехала. Железная женщина, понимать нужно. Какой я ей сын? Я ей первый враг. И последний.

Сергей: Мать Божья на Голгофу к сыну поднималась, хоть его только ненависть людская окружала. Так что зря вы это сейчас.

Алексей Семёнович: А, верующий. Скучный, значит, человек.

Сергей: Так лучше скучным быть, чем зверем в людском обличье.

Алексей Семёнович: Кому как. Одному посты блюсти, другому глаза у живых лохов вытаскивать, смотреть как они на ниточке болтаются. Все люди разные.

Сергей: Я, кстати, так и не понял, зачем вы жертвам глаза вырезали? Действительно верили в эту ненаучную фантастику, что в зрачках покойника остаётся портрет убийцы?

Алексей Семёнович: Прогон для прокурора. Им тоже нужно складную легенду сочинить, чтобы прессе выдать то что она ждёт. Похрен, мне не жалко.

Сергей: А в действительности?

Алексей Семёнович: Ну как? Интересно же. Ты ему или ей глаз аккуратненько подрежешь, вымешь так, чтобы зрительный нерв не повредить, возьмешь пальцами и водишь в разные стороны: то в потолок его направишь, то на лампу, то на него самого. Допытывался, видят ли они, что я им показываю. Как там в мозгу картинка левого глаза с правым совмещается, если они в разные стороны смотрят? Или если только один глаз оставить? Да это всякому учёному любопытно узнать, только они на такие эксперименты не решаются. Бездарности унылые.

Сергей: И что, рассказывали, удовлетворяли ваше любопытство?

Алексей Семёнович: Да хрен там. Повизжат да в бессознанку падают. Тут уже интересно пальцы отрезать: запустится мозг от боли или нет?

Сергей: Да вы, гляжу, не маньяк, а настоящий естествоиспытатель.

Алексей Семёнович: Так историю человечества движет вперёд естественное любопытство, познание нового. А не телевизор с газетами этими вашими да дачами с огородами. Только и разговоров, с кем Басков развёлся да у кого клубника лучше уродилась.

Сергей: Потому и дачи?

Алексей Семёнович: Ну вот, соображать начинаешь. Я этих дачников с их урожаем с детства не выношу. Зато удобно: в домике, без лишних глаз (это случайный каламбур вышел) - хоть всю ночь работай. Ну и ножи там всякие, вилки всегда найдешь, секаторы. Весь рабочий инструмент под рукой.

Сергей: Вы же просто больной на всю голову ублюдок, Алексей Семёнович.

Алексей Семёнович: Здоровый, у меня и справка есть. Иначе лежал бы я сейчас в психической чистой палате на белой простыне, а не коротал бы время тут с тобой до последнего рассвета. Ну, для меня последнего.

Сергей: Вот здесь мне совсем непонятно. Завтра вас, слава богу, уже не будет. Совсем. Мир станет чище и лучше, это факт. Но вы ведь ни на грамм не раскаиваетесь, это очевидно. О бессмертной душе своей не думаете.

Алексей Семёнович: С чего бы мне думать о том чего нет? Черви могильные есть, в них истинно и верую. А бессмертный только Кощей бывает в сказках.

Сергей: Сказочный вы долбодятел, конечно. Или это просто такая защитная психическая реакция: пусть лучше черви могильные, чем вечное наказание за грехи страшные, непоправимые. Такое наказание, что и придумать невозможно, - тут-то сознание блок и ставит. А душа давно в самый дальний уголок забила в ужасе от предстоящего.

Алексей Семёнович: Экий ты забавный дурачок. Это я себе верное развлечение выпросил напоследок. Предлагали священника, но они тупые и нудные. А тут самовлюблённый павлин с разговорами о бессмертной душе, который одновременно считает, сколько бабосов ему принесёт включённый диктофон. И думает о том, как бы ему выглядеть максимально прилично при расшифровке разговора с извергом рода человеческого. Испортил тебе благодетельную запись? Ничего, сотрёшь, праведник херов.

Сергей: А не скучно умирать с мыслью, что больше ничего никогда не будет? Никакой жизни потом - пусть и самой страшной. Никакого возможного возвращения назад. Не оставляя для себя ни малейшей лазейки на возрождение. Просто интересно.

Алексей Семёнович: Умирать, баклан, скучно тем, кто скучную жизнь прожил. Таковую как твоя. Вот и вся философия.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Мария Леонидовна лежит в послеоперационной палате на специальной функциональной кровати, подключённая к медицинским датчикам и приборам. Рядом сидит Ольга в накинутом на плечи больничном халате.

Ольга: А про Серёжку воспитательница слова плохого не сказала. Нет, говорит, твой приличный мальчишка - кашу всю съедает, здороваётся, спит хорошо днём. На утреннике главную роль ему дали, медведя.

Мария Леонидовна: Из чего ж ты ему костюм-то пошила?

Ольга: Да жакетка меховая старая была, помнишь? Ничего так получилось, похоже. Давай покажу. (Достаёт телефон). Вот с балалайкой он, тут за столом с Леной - дочкой Таньки Лоскутовой, помнишь её? А здесь вместе все.

Мария Леонидовна: И не узнать, чистый медвежонок.

Ольга: Ну, роль такая, что ж тут.

Мария Леонидовна: Скучаю я по Серёже. Вырос, поди, за этот месяц-то.

Ольга: Растёт, куда он денется. Тоже скучает: нет-нет да и спросит, а где баба, мол, когда мы к ней в гости пойдём? Скоро, говорю. Поправится баба - и пойдём. А он такой: "Сколей бы выздоловела". Смешной.

Мария Леонидовна: Ты бы как-нибудь взяла его с собой, Оля. Боюсь, не увижу больше.

Ольга: Ну что ты, мам, такое говоришь-то? Да ты ещё на свадьбе у Серёжки отплясывать будешь.

Мария Леонидовна: Может и буду, конечно. Чего тебе доктор говорит? Со мной-то он не шибко откровенничает: "Нормально всё, Мария Леонидовна, худшее уже позади. Состояние ваше стабильное, организм справляется". А сам в глаза не смотрит.

Ольга: Так и мне примерно то же самое: "Есть признаки положительной динамики, позволяющие надеяться на лучшее". Говорит, что так-то общий характер травм у него уже беспокойства не вызывает, только черепно-мозговая может дать неожиданную реакцию. Но такое редко бывает, говорит.

Мария Леонидовна: Не врёт хоть, уже хорошо. Он молодой, но обстоятельный такой. Кандидат наук, говорят. И как его в нашу глухомань занесло только.

Ольга: Не знаю, мам. Я за него молюсь каждый день. За тебя и за него.

Мария Леонидовна: Хуже-то не будет. Молись дочка, конечно. (Молчит). И за отца молись.

Ольга молчит.

Так уж вышло, Оля. Что уж теперь.

Ольга: Пусть за него черти в аду молятся. Чтоб скорее он у них объявился.

Мария Леонидовна: Может и так.

Ольга: Скотина.

Мария Леонидовна: И скотины разные бывают. У нас едва ли не к каждой свой подход нужен - к одной с лаской, к другой со строгостью. А бывает, что на утренней дойке с ней лучше так, а на вечерней вот эдак. У всякой твари свой характер, что уж тут про людей говорить.

Ольга: Если б он человек был.

Мария Леонидовна: Какой-никакой, а человек. Отец твой.

Ольга: Лучше бы у меня вообще отца не было.

Мария Леонидовна: Так и тебя бы тогда не было, доча. Так уж устроено всё, через пень-колоду. А иначе никак.

Ольга: Не хочу о нём больше.

Мария Леонидовна: Да и не будем. На работе у тебя как?

Ольга: Как обычно. На прошлой неделе нового старшего менеджера взяли. Ничего такой. Брюнет.

Мария Леонидовна: Молодой?

Ольга: На год меня младше.

Мария Леонидовна: Ну это ничего, это, считай, и не разница. Не на пять же лет тебя моложе. Женатый?

Ольга: Ну, мам.

Мария Леонидовна: Да я ничего и не говорю.

Ольга: Говоришь. Разведённый.

Мария Леонидовна: Тут ведь как? И упустить своего нельзя, потом не воротишь. И спешить нельзя, чтобы потом не плакать. Ты присмотришь вначале, хороший он человек или сукин сын. Видишь что хороший, бери в оборот, не затягивай с этим. В точности-то не угадаешь, понятно, но всё же. А то другие подберут, не сомневайся даже. Зовут-то его как?

Ольга: Кириллом.

Мария Леонидовна: Кириллом. Ничего вроде. Сергей Кириллович, нормально.

Ольга: Всё, перестань.

Мария Леонидовна: Я-то перестану, а Серёжа у тебя без отца растёт. Хорошо ли?

Ольга: Не жалуется. Грушу будешь? Сладкая, я одну съела дома.

Мария Леонидовна: А давай.

Ольга: Сейчас, помою только.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

В келье у Евлампия и Егория дали свет.

Евламгий: А на войне, Егорий, Бог к человеку ближе. Не человек к Богу, а наоборот. Ему интересно, как люди там себя проявляют - звереют или же человеческого в них больше становится. Того самого человеческого, что в людей Создатель заложил. Бойцы думают, что смерть, которая рядышком, их к Богу подталкивает. Но смерть сама по себе ничто - мираж, дымка, переход.

Вот едет по ущелью бэтэр с десантом: все по-боевому сидят, настороже и вряд ли кто о Боге размышляет, через прицел-то. А тут фугас замыкает на днище - и полетели вверх ошмётки тел вперемешку с душами. Половину в госпиталях выводят, оставят здесь на дальнейшее перевоспитание, а вторая половина уже там, на вечерней поверке.

И кому наряд на службу, а кому медаль за доблесть, теперь новый командир решает, повыше ротного. Был на войне скотиной - получи и распишись за дисбат вечный, оставался человеком - вот путёвка в санаторий к медсестричкам. Там ведь тоже

свои понятия о преступлении и наказании, без Достоевщины всякой. А всё оттого, что присматривает Господь за каждым - на войне в особенности - и всякого прибирает ровно в срок. Не раньше и не позже.

Егорий: Сколько ты, брате, людей на войне убил?

Евламий: Не считал, не знаю. Там знают, там счёт и предъявят. А какой он будет, не мне судить.

Егорий: "И мысли и дела он знает наперёд".

Евламий: Неожиданно ты Лермонтова сейчас, молодец. В "наперсники разврата", выходит, меня записал?

Егорий: Да ну. В школе учили, вспомнилось.

Евламий: Михал Юрьич хоть и сам далеко не ангел был по женской части, но здесь другой разврат имел в виду, если помнишь.

Егорий: Про царское окружение, которое и угробило Пушкина.

Евламий: Вот. "Вы, жадною толпой стоящие у трона, свободы, гения и славы палачи. Таитесь вы под сению закона, пред вами суд и правда - всё молчи". Вот где у Лермонтова разврат настоящий, главный. И по сию пору так ведь. Ничего не изменилось. Этот самый чиновный разврат больше людей к дьяволу приводит, чем все войны вместе взятые. И что с этим делать, никто не знает.

Егорий: Значит, Господу так угодно.

Евламий: Это-то понятно. Господь ведёт нас к свету через испытания, как детей, которые на своем опыте учатся понимать, что огонь обжигает, что собачка укусить может, что железо в мороз лизать не обязательно. И потихоньку взрослеет человечество, входит в пору зрелости. А мы как тот злобный подросток никак не можем выбраться из трудного переходного возраста, застряли в нём. В стяжательстве застряли, в прохиндействе, в унижении слабого сильным.

Государство наше растлевет души, а не возвышает их. Вот где главная нестыковка, Егорий, на текущий исторический момент.

Егорий: Это нам за грехи наши тяжкие.

Евламий: Вот молодой ты вроде ещё, а старый уже. Никто грехи наши тяжкие не отменяет, но и списывать всё на них - тоже, знаешь, тот ещё грех.

Егорий: Это какой?

Евламий: Идиотизма. Все фанатики, Егорий, идиоты - запомни это. Хоть религиозные, хоть футбольные. Всё зло от них... Как, кстати, сегодня "Спартак" сыграл, не знаешь?

Егорий: Продул опять.

Евламий: Вот он точно мне за грехи мои послан. Не клуб, а сборная ленивых чертей, не к ночи будь они помянуты.

Егорий: (вздыхает) А у меня трапезное послушание завтра.

Евламий: Сочувствую. Давай расходиться уже. Мне в ночь псалтирь читать.

Егорий: Да, пойду, брате. Спасибо тебе за разговор. Многому ты меня учишь, многому.

Евламий: Жизнь нас учит, Егорий, а Господь наставляет. Завтра, как послушание отстоишь, приходи.

Егорий: Приду, если ноги не отвалятся. (Уходит).

Евламий допивает чай. Идет в угол под икону с лампадой, встаёт на колени, молится. Доносятся обрывки молитвы.

Евламий: ... Избави нас от лукавого... Усмиряя плоть, добавь разума грешному... Не оставь рабу божию Елизавету без наставления, трудно ей сейчас, прошу тебя, Господи... За убиенных мною приму кару твою... Пусть Федя Черенков их оттуда хоть чему-нибудь научит, уповаю на милость твою... (Кашляет). Помилуй мя, грешного...

Встаёт, кашляет, держится за сердце, садится на кровать.

Помилуй мя. (Кашляет, ложится, кашляет). Помилуй мя. (Кашляет. Прекращает кашлять).

СЦЕНА ПЯТАЯ

В мизансцене тюрьмы ничего не изменилось.

Алексей Семёнович: Так и запиши. Не переври только потом.

Сергей: Не перевру, не беспокойтесь. С другой стороны, вы же всё равно уже проверить не сможете.

Алексей Семёнович: Не смогу. Но совесть у людей должна же быть. Даже у журналистов.

Сергей: Вы это всерьёз сейчас, о совести?

Алексей Семёнович: Ну а как? Понятия никто не отменял, люди по понятиям живут. Или там по совести, если по-вашему. Отвечать по-любому придётся потом.

Сергей: Слушайте, вы о каких понятиях сейчас говорите, о какой совести? На вас к сорока восьми годам жизни пятнадцать душ висит, загубленных самым изуверским способом. Только доказанных. А недоказанных сколько осталось, тварь? Можешь ответить?

Алексей Семёнович: Держи себя в руках, романист хренов. Смелый, гляжу, как петух под шконкой. Отвечалка у тебя не выросла, чтобы с меня спрашивать.

Сергей: Ладно, сорвался. Больше не повторится. Так что, Алексей Семёнович, всех ваших жертв суд учёл или недосчитался кого?

Алексей Семёнович: Может и недосчитался, а может и чужих тухляков лишних на меня навешал. Какая разница?

Сергей: Разница в масштабах. Одно дело, если вы пятнадцать человек угробили, и совсем другое, если сорок.

Алексей Семёнович: И в чём эта разница? Только в том, что тебе за сорок заплатят больше? Нет, не будет тебе сенсации. Не подпишусь на увеличение твоего гонорара. Чего-то ты мне опротивел. Зачушковался, выходит, я тут с тобой. Ладно, все равно никто уже с меня не спросит.

Сергей: Спросят, спросят. Даже не сомневайтесь

Алексей Семёнович: Да и хрен с ним. Скажи мне лучше, журналист: пишут про меня ещё в газетах или другие сенсации теперь в моде?

Сергей: Был зареченский маньяк да весь вышел, не сомневайтесь даже. По суду отписались все, теперь другие новости читателю интересны. Никто вас и не вспомнит, Алексей Семёнович, через полгода. Сейчас уже забыли, считай. Один я всё пытаюсь разобраться в вашем бездонном днище, в натуре вашей звериной. Хоть и сравнивать вас со зверем - животных обижать.

Алексей Семёнович: А вот и врешь ты, Тропников. Родственники этих вот, которых я, - они точно не забудут. Для них я самым страшным кошмаром останусь на всю оставшуюся жизнь. Вот так-то. Не у всякого память короткая, не всякий одним днём живёт. Будут помнить, будут.

Сергей: Они ведь ко мне приходили, просили опубликовать письмо, чтобы допустили родственников убитых наблюдать за вашей казнью.

Алексей Семёнович: Ишь ты. Ну а ты чего?

Сергей: Ничего. Не нужно им этого, я так считаю. Не в наших это традициях. Да и просто умножение зла. Ни к чему.

Алексей Семёнович: Жаль.

Сергей: Им тоже жаль.

Алексей Семёнович: Нет, ну так-то их понять можно. Я бы тоже посмотрел, как маньяку-изуверу пуля в затылок входит. Картинка на долгую память... Как меня расстреливать-то сегодня будут, не знаешь? Чего там за технология казни?

Сергей: Не знаю, не любопытствовал.

Алексей Семёнович: Хреновый ты журналист, Тропников, не любознательный.

Сергей: Какой есть. Всё, пойду. Тошнит меня уже от откровений ваших. Обрыдли.

Алексей Семёнович: А то поговорили бы ещё. Полчаса в запасе есть.

Сергей: (Нажимает кнопку на столе, над дверью загорается лампочка, звучит резкий сигнал) С собой полчаса поговорите лучше, это вам полезнее сейчас. (С лязгом распаивается дверь). Бог вам судья.

Тропников уходит.

Алексей Семёнович: Вертухай, открывай ворота!.. Оглох, бля?.. Не спи, сучара, ты на службе... Да что они там... Эй, конвой, на расстрел пора!.. Вы что, твари, службу не тащите?.. Выводи давай!.. Я вас, сук!.. Да что вы за люди-то такие... Эй!.. Заканчивайте, на!.. Хорош уже!.. Куда пропали?.. Не молчите... Что за дела?.. Эй, люди, слышь!.. (Встаёт на колени перед дверью). Христом-богом... Ну что вам за радость-то?.. Нельзя так... Не оставляйте, будьте людьми... Христом-богом прошу... Забери!

С лязгом распаивается дверь.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

В больничной палате стемнело. Ольга включает свет.

Мария Леонидовна: Быстро темнеет нынче. Ты иди уже, Оля. Пока ещё до дому доберёшься.

Ольга: Успеется, мам. Серёжку из садика Таня забрала, звонила. У них он сейчас. Посижу ещё немножко с тобой.

Мария Леонидовна: Ну, посиди. Ты у отца так и не была?

Ольга: Не была.

Мария Леонидовна: Нехорошо так-то, хоть передачку бы ему собрала.

Ольга: Переживёт.

Мария Леонидовна: Что говорят, суд-то скоро?

Ольга: Не знаю. Следователь прошлый раз сказал, что месяца через три может.

Мария Леонидовна: Пойдёшь?

Ольга: Так вызовут же.

Мария Леонидовна: Ну да, ну да. Расскажешь потом.

Ольга: Мама. Он. Тебя. Изувечил. Чуть не убил. А ты всё о нём беспокоишься.

Мария Леонидовна: Пьяный же отец был.

Ольга: А ты когда его последний раз трезвым видела? Я помню, в зоопарк меня в город свозил трезвым. Лет двенадцать мне тогда было. А с тех пор и не помню. Так когда назад в автобусе ехали, он бутылку в одного всё равно приговорил. Ты ждала нас, ужин приготовила, на стол накрыла, а он с крыльца тебе кулаком. Помнишь?

Мария Леонидовна: Не помню.

Ольга: Конечно, всё разве упомнишь, если он тебя, считай, каждую неделю охаживал. А я всё помню: и как он первый раз меня ударил, и как над тобой издевался, и как соседи участкового вызывали. Я ничего ему не забуду. Никогда.

Мария Леонидовна: Недобрая ты у меня выросла, Оля.

Ольга: Это я недобрая? Знаешь, мам, пойду я, действительно. Ну невозможно же с тобой.

Мария Леонидовна: Подожди. Вот послушай меня. Деда ведь ты, отца моего, и не помнишь почти. Так я тебе расскажу. Он малопьющий был по нашим меркам, деревенским - на ноябрьские, на День Победы да на Новый год. Пару дней попьёт - и всё, редко когда три. Умел себя останавливать. Маму поколачивал выпимши, понятно, но не всякий раз, а меня так вообще, считай, не трогал. Счастливая семья у нас была, можно сказать, не то что у соседей всех кругом.

Так когда я с отцом твоим познакомилась, он как из другого мира мне показался. Его ж из города тогда к нам на уборку прислали от автоколонны. Фасонистый, по целым дням за баранкой - сильно не попьёшь, в отличие от наших-то, которые с утра без стакана самогона на улицу выйти не могли. А уж по субботам в клубе на ногах все еле стояли: какие танцы, куда там. А городские эти водители-то придут, культурно за углом одну на троих выпьют - и хватает им. Так с ними и потанцевать можно было, и поговорить интересно. Отец же во флоте служил, в разные порты заходил на своем крейсере: рассказывал - заслушаешься. И один раз старший из Волковых - он помер три года как - последним матом на меня, что танцевать с ним не пошла, и замахнулся уже. Отец его и ударил сзади, а потом они и с остальными братьями быстренько разобрались. Трезвые же почти против этих-то. Ну и как мне было устоять? Под Новой год свадьбу и сыграли.

Потом ты родилась. Нормально жили, как люди. Выпивать отец побольше начал, конечно: перебрался в деревню - живи как все. Но не сказать, что как те же Волковы, к примеру. И близко нет.

Ольга: Ангел прямо был какой-то, гляжу.

Мария Леонидовна: Ну как ангел? Не дьявол во плоти - уже хорошо.

Ольга: И как же он в дьявола-то перевоплотился, хороший такой?

Мария Леонидовна: Так ты слушай. В командировку его отправили куда-то в Сибирь на полгода, тебе тогда еще трёх лет не исполнилось... Дай попить, дочка. Спасибо... Ну и значит... Стыд-то какой... В общем, бес меня попутал с этим Витькой Полухиным.

Ольга: С Полухиным?

Мария Леонидовна: С ним самым. Согрешила. Затмение какое-то нашло: два месяца как не в себе была, каждую ночь к нему бегала. Любовь, значит, да.

Ольга: Ох, мама.

Мария Леонидовна: Да, вот так всё было, Оля, чего уж теперь. Потом отец вернулся: а деревня же, что тут скроешь. Дня через три ему и разложили всё по полочкам. Я и отпираться не стала, чего уж тут.

Ольга: А Полухин что?

Мария Леонидовна: Ничего, в город уехал, на стройку устроился. Потом мать у него померла, вернулся. Так это ты помнишь, лет семь назад дело было. Потом сам помер.

Ольга: Понятно.

Мария Леонидовна: Давно рассказать тебе надо было, а не могла.

Ольга: Понятно.

Мария Леонидовна: Так что прости ты его, дочка. Отец всё же.

Ольга: Давай я тебе подушку повыше положу. Лучше так?

Мария Леонидовна: Лучше, Оля, спасибо.

Ольга: Ладно, мама, пойду я. Действительно, поздно уже.

Мария Леонидовна: Ступай, конечно. По дороге сестру позови с поста только.

Ольга: Тебе плохо?

Мария Леонидовна: Что-то, знаешь... Позови, прошу.

Ольга: Мама! Дыши, мама, дыши! Я сейчас!

Ольга выбегает из палаты. Медицинский прибор издает тревожные пульсирующие сигналы.

Мария Леонидовна: Прости меня, дочка... Серёжа...

Тревожные звуки переходят в ровное гудение прибора.

Освещаются все три мизансцены. Возникает странный нарастающий звук, который начинает затихать вместе с медленно гаснущим светом.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Рай. Сцена освещается бликами костра, вокруг которого сидят монады. Девушка с гитарой поёт песню Ю.Визбора "Перевал". Монады дружно подпевают в нужных местах.

Просто нечего нам больше терять,
всё нам вспомнится на страшном суде.

Эта ночь прошла как тот перева-а-ал
за которым исполненье надежд.

Просто прожитое прожито зря-а-а,
но не в этом, понимаешь ли, соль.
Слышишь, падают дожди октября,
видишь, старый дом стоит средь лесов.

А мы затопим в доме печь, в доме печь,
и гитару позовем со стены.

Просто нечего нам больше бере-е-ечь,
ведь за нами все мосты сожжены.

Все мосты, все перекрестки доро-о-ог,
все прощёптанные тайны в ночи.

Каждый сделал все что смог, все что смог,
мы об этом помолчим, помолчим.

Прекращает петь.

Девушка с гитарой: Кажется, пора. Пошли.

Монады встают, начинают целенаправленное движение, останавливаются, бурно аплодируют, свистят, выражают неподдельный восторг. Ярко освещается сцена, звучит "Встречный марш", навстречу монадам выходят директор турагентства, монады Мария Леонидовна, Алексей Семёнович и Евлампий.

Директор турагентства: (делает успокаивающие жесты руками) Спасибо, спасибо, друзья. Вот они, герои нашего времени.

Взрыв эмоций. Монады Мария Леонидовна, Алексей Семёнович и Евлампий смущённо раскланиваются.

Вот наш коллективный Гагарин, не побоюсь этого слова. (Аплодисменты). Лучшие люди нашего рая. Если вы хотите коротенький митинг, у меня нет возражений. Вот вы, как вас там звали в отпуске? Да, пока что Евлампий. Это ещё можно, это ничего. Прошу.

Евлампий: Да я, собственно, простой отдыхающий. (Смех, аплодисменты).

Директор турагентства: Не скромничайте. Кстати, фотограф присутствует? Зря. Призвал бы кто-нибудь. Извините, э-э, Евлампий, продолжайте.

Евлампий: Спасибо нашему турагентству за прекрасный отдых.

Аплодисменты, приветственный свист, кричалки.

У меня, в общем, всё.

Аплодисменты.

Алексей Семёнович: Позвольте мне.

Директор турагентства: Конечно.

Алексей Семёнович: Друзья, я так жалею, что вас не было рядом со мною в этом отпуске. Но очень прошу: не оставляйте надежды, маэстры! Не убирайте ладоней

со лба! Ищите и обрящете! В отпусках наша сила, надежда и упование. Господь свидетель!

Восторженный рёв.

А если кто на тёмной стороне, считает, что наша маленькая отпускная слабость позволяет им надеяться на победу, то пусть они там не думают себе! (Бурные положительные эмоции монад). Извечный враг не пройдёт! Своей земли не отдадим ни пяди!

Директор турагентства: Поаккуратнее, прошу.

Алексей Семёнович: Простите великодушно, но ведь правда.

Директор турагентства: Заканчивайте.

Алексей Семёнович: Я и говорю, друзья! Каждый из вас должен иметь тот отпуск, который он заслуживает! (Наклоняется к директору турагентства). Правильно?

Директор турагентства: Заканчивайте.

Алексей Семёнович: И вот что ещё, скажу я вам, милые, хорошие...

Директор турагентства: Заканчивайте.

Алексей Семёнович: Спасибо вам за поддержку. Хотите, колени пред вами преклоню?

Алексей Семёнович встаёт на колени. Монады рукоплещут, свистят, начинают запевать "Let my people go".

Директор турагентства: (заглядывает в бумажку) Алексей Семёнович слегка переусердствовал в отпуске, но каждый из нас его понимает. Аплодисменты монаде Семёнычу!

(Восторженный рёв, плач, в адрес отпускников летят бюстгальтеры монад).

Спасибо, Алексей, э-э, Семёнович. Слово предоставляется почти уже опять монаде Марии Леонидовне.

Мария Леонидовна: Привет.

Монады кричат: "Привет, Маша!"

Мария Леонидовна: Там было прекрасно. Там был запах.

Монады крутят носами, стонут.

Да святится имя его.

(Окончательный пароксизм монад, что бы это ни значило.)

Девушка с гитарой: А любовь? Была там любовь?

Мария Леонидовна: Это неуместный вопрос. Дальше.

Голос из толпы монад: Вы животных видели?

Мария Леонидовна: Я их доила.

(Свист, общая восторженность, конвульсии).

Мария Леонидовна: Ещё вопросы? Вот вы, пожалуйста.

Монада Витя: Маша?

Мария Леонидовна: (надевает очки) Витя?

Монада Витя: Маша.

Мария Леонидовна пытается рвануться к монаде Вите, но ее крепко прихватывает директор турагентства.

Монада Витя: Машка!

Директор турагентства: (Марии Леонидовне) Не смей. Не осложняйте, богом вас прошу.

Мария Леонидовна: В общем, спасибо вам за теплую встречу, дорогие мои. Хорошего вам будущего отпуска.

Директор турагентства: Да, друзья, спасибо. Нам пора сами знаете куда. Ваши эмоции были божественны.

Монады слегка посвистывают, вяло аплодируют, расходятся. Директор агентства показывает отпускникам на дверь.

Это здесь. С богом.

Директор турагентства первым входит в помещение, жестом приглашая отпускников следовать за ним.

СЦЕНА ВТОРАЯ

В офисном помещении за столом сидит главный эксперт. Начальник приёмного отдела стоит у окна рядом со своим рабочим местом, заведующий лабораторией в халате и наушниках располагается за отдельным столом, уставленным непонятного назначения приборами. Для посетителей предусмотрен большой удобный кожаный диван и пара кресел.

Директор турагентства: А вот и мы. (монадам-отпускникам) Проходите, присаживайтесь. (Походит к начальнику приёмного отдела, о чём-то с ним недолго говорит, возвращается к подопечным).

Главный эксперт: Начнём, пожалуй.

Директор турагентства: Позвольте представить очередную тройку отдохнувших.

Монада Евлампий, монах. Монада Алексей Семёнович, маньяк. Монада Мария, э-э, Леонидовна, доярка. Отдыхали в России, срок отпуска - 48 лет.

Начальник приёмного отдела: (директору турагентства) Спасибо.

Директор турагентства садится в отдельное кресло.

Здравствуйтесь. (Монады здороваются). И как вам Россия?

Мария Леонидовна: Чудесно.

Евламий: Да, неплохая страна.

Алексей Семёнович: Вполне.

Главный эксперт: Замечания по качеству предоставленного отпуска имеются?

Алексей Семёнович: Нет, всё было на высшем уровне.

Мария Леонидовна: Согласна.

Евламий: Ни малейших претензий.

Главный эксперт: (директору турагентства) Поздравляю.

Директор турагентства: Спасибо. Я передам коллективу.

Начальник приёмного отдела: Что ж, отпускники вы опытные, процедура воздаяния вам известна.

Евламий: Не впервой.

Мария Леонидовна: Как говорят в России, "любишь кататься, люби и саночки возить".

Заведующий лабораторией: Саночки - это что? (Вникает в показания приборов). Да, понятно. Логично.

Начальник приёмного отдела: С кого начнём? Добровольцы есть? Ладно. Начнём с Алексея Семёновича. Я для простоты буду пока оперировать земными именами. Нет возражений?

Заведующий лабораторией: Да какие возражения? У вас постоянная лицензия от комитета по антропоморфии.

Начальник приёмного отдела: Это для протокола. (Ставит на середину офиса табуретку). Присаживайтесь, Алексей Семёнович.

Алексей Семёнович встаёт с дивана, садится на табурет.

Всё в порядке?

Алексей Семёнович: Насколько это возможно.

Начальник приёмного отдела: Давайте параметры.

Заведующий лабораторией: По шкале Вой-Булановского, чувствительность восемнадцать и пять, эмпатия - четыре и семь, реакция на внешние раздражители - шестнадцать.

Начальник приёмного отдела: Шестнадцать, говорите?

Заведующий лабораторией: Бывает.

Начальник приёмного отдела: Ладно, дальше.

Заведующий лабораторией: Теперь переменная Эткинда. Минус триста девять.

Начальник приёмного отдела: Это с учётом индекса совести?

Заведующий лабораторией: Естественно. Наконец, парадокс Рафаила: ноль восемь при климатической погрешности пять. У меня всё.

Начальник приёмного отдела: (главному эксперту) Уточняющие вопросы будут?

Главный эксперт: Пожалуй. (Алексею Семёновичу) Жертва номер девять, женщина пятидесяти семи лет, блондинка, осташковские дачи. Почему именно ногти на ногах?

Алексей Семёнович: Необычный аромат немых ступней. Визуализация с погружением. Агрессивная сентиментальность. Попытка достижения крайней полноты ощущений.

Заведующий лабораторией: Подтверждено мнемодиаграммой.

Начальник приёмного отдела: Да, высочайший показатель. Редкая удача отдыхающего, нужно признать.

Евламий: Свезло так свезло.

Мария Леонидовна: Умеют некоторые устроиться.

Алексей Семёнович: (отпускникам) Всё было в ваших руках. Каждый выбирает по себе женщину, религию, дорогу. Что ж теперь завидовать. Отпуск на то и отпуск.

Евламий: Да уж.

Начальник приёмного отдела: Не отвлекаемся от процедуры. Ещё вопросы?

Главный эксперт: У меня нет.

Начальник приёмного отдела: Тогда всё. Спасибо, Алексей Семёнович.

Алексей Семёнович возвращается на диван.

Начальник приёмного отдела: Вы, пожалуйста.

Мария Леонидовна перемещается на табурет.

(заведующему лабораторией) Прошу.

Заведующий лабораторией: Вой-Булановский: пятнадцать, десять и два, девять и четыре. Эткинд: минус двести семнадцать. Рафаил: ноль три при климатической погрешности четыре.

Начальник приёмного отдела: Н-да. Сочувствую.

Мария Леонидовна: Как вышло так и вышло, что уж теперь. У каждого свой отпуск.

Заведующий лабораторией: Индекс совести, кстати, в норме, что удивительно.

Евламий: (Алексею Семёновичу) Вот ведь как бывает.

Алексей Семёнович: Да уж. Сумма никудашная, даже жалко.

Мария Леонидовна: Себя лучше жалеете, нечего тут.

Главный эксперт: С остаточными эмоциями вернувшихся придётся поработать.

Начальник приёмного отдела: Это уж как водится.

Заведующий лабораторией: Реабилитационный модуль включён. Добавить мощности?

Главный эксперт: Позже, на чистилищном направлении... А скажите мне, вот с Виктором у вас связь была ведь и на ментальном уровне тоже? Я правильно понимаю?

Мария Леонидовна: На ментальном в первую очередь.

Начальник приёмного отдела: Очную ставку с Виктором организовать?

Главный эксперт: Думаю, не стоит. Сейчас нам наука всё разъяснит, правда?

Заведующий лабораторией: Секунду. В общем, подтверждается: земная любовь на восемьдесят девять процентов. Ревность четыре.

Начальник приёмного отдела: Даже с ревностью печальная картина. Ладно, Мария Леонидовна, не расстраивайтесь. Как говорится, меньше злости - меньше ада. Везде свои плюсы. Свободны пока.

Мария Леонидовна понуро бредёт обратно на диван. На табуретке её сменяет Евлампий.

Начальник приёмного отдела: Нечасто монахов доводится принимать в последнее время.

Евлампий: Я не специально.

Начальник приёмного отдела: Ещё бы вы специально. Слушаем.

Заведующий лабораторией: Чувствительность двадцать два и один, эмпатия - шесть, реакция на внешние раздражители - двенадцать и два. По Эткинду минус сто девяносто, по Рафаилу ноль два, погрешность семь.

Главный эксперт: Совесть?

Заведующий лабораторией: Как и положено в данной конфигурации, два и пять. Без аномалий.

Начальник приёмного отдела: Ну что ж, кажется картина вполне ясная.

Заведующий лабораторией: Куда уж яснее.

Евлампий: Можно идти?

Главный эксперт: Удивительно. Как вам удалось там, внизу не только получить верное бесконтактное представление о сущности мироустройства, но и успешно его транслировать людям? Едва ли не впервые встречаю такого точного в своей праведности отпускника.

Евлампий: Не могу знать.

Главный эксперт: Ладно, это я больше к себе. Вопросов нет.

Евлампий возвращается к коллегам на диван.

Начальник приёмного отдела: Перерыв на вердикт нужен?

Главный эксперт: Да ну, зачем.

Начальник приёмного отдела: Тогда прошу.

Главный эксперт: Исполняя закон мироздания номер четырнадцать, именем сущего объявляю окончательный вердикт отпускным монадам согласно их бывшим земным именам. Алексей Леонидович - четвертый круг, Мария Леонидовна - первый, Евлампий - второй круг. Всё.

Отпускники хором: "Спаси и помилуй, господи". Оживляются, жмут руки, хлопают друг друга по спине.

Начальник приёмного отдела: Процедура объявляется завершённой. (Заведующему лабораторией) Проводите монад в офис стирания земной личности, куратор их там уже ждёт. (Монадам) Ну вот и всё. В отделе мы постараемся максимально быстро завершить вашу приёмку и отправить к кругам назначения. Удачи. Счастливого пути.

Отпускники благодарят присутствующих, уходят в сопровождении заведующего лабораторией.

Мне тут нужно бы в мнемонический цех заглянуть. Если я больше не нужен?

Главный эксперт: Конечно, занимайтесь. Мы здесь с вашего позволения посидим ещё.

Начальник приёмного отдела: Да ради бога. Будьте здоровы. (Жмёт руки, уходит).

Главный эксперт достаёт из холодильника две бутылки с нектаром, открывает их. Протягивает одну директору турагентства, садится в соседнее кресло.

Главный эксперт: Ну что?

Директор турагентства: По-моему, неплохо.

Главный эксперт: Я тоже так думаю. Но в любом случае, нужно было подождать результата. Правильно мы тогда настояли на том, чтобы продолжить эксперимент лишь по возвращении пробной партии.

Директор турагентства: Зато теперь у нас результат на руках. Из России, опять же.

Главный эксперт: Да, Россия. Это было смело, отдаю тебе должное. Я очень сомневался.

Директор турагентства: Ну, была бы Венгрия, как там предлагалось, и чего? Сам посуди.

Главный эксперт: Я уже сегодня посудил, хватит. Давай по результату.

Директор турагентства: Давай. Вы требуете от меня максимальной суммы впечатлений для отдыхающих: положительных, отрицательных - неважно. Так?

Главный эксперт: Так.

Директор агентства: Они её получили? Получили. В разной степени, но в целом количественный показатель близок к идеальному. Ты бы видел, как их встречали сегодня - все же в курсе уже. Восторг и зависть, зависть и восторг.

Главный эксперт: По зависть не загибай мне тут. Не на тёмной стороне. Но признаюсь, этот вот маньяк меня сильно впечатлил. Сумма так сумма.

Директор турагентства: А остальные? Спецназовец-монах, доярка, мужем битая - что ты. Не клерки какие офисные, прости господи.

Главный эксперт: Тут ведь нам сравнительный анализ был важен. А какой, к чертям, тьфу ты, к ангелам, анализ, когда одного в Монголию, другого в Испанию, а третьего в Танзанию? Никакой стратегии выстроить невозможно. А так сегодня тройку в конкретную страну, завтра еще одну тройку в неё же, потом ещё одну. Глядишь, и пассионарность проявится.

Директор турагентства: Гнал бы ты этого Гумилёва из советников, сколько уже тебе говорил.

Главный эксперт: Да забудь ты про него. Я вот начинаю о пятёрках отпускников задумываться теперь. Чтоб сразу не три, а пять? Представляешь?

Директор турагентства: Диссидентствуешь потихоньку. Но общая сумма впечатлений увеличится безусловно. Поддержу.

Главный эксперт: В кругах населения прибудет, тёмным на руку - такой будет главный контраргумент.

Директор агентства: Так они же все равно потом к нам возвращаются. Очередь отпускников может вырасти по итогу. И так еле справляемся.

Главный эксперт: Поплачь ещё мне здесь. А страдания очищают душу, прости за банальность. Потому сумма впечатлений - наш приоритетный показатель. Такие дела... Устал я что-то вконец. Не помню, когда в отпуске последний раз был. Может правда, отпроситься, а? В Россию какую-нибудь. Отправишь без очереди?

Директор турагентства: Если на то будет воля божья, чего ж и не отправить.

Главный эксперт: Будет, будет. Я договорюсь.

Декабрь 2019 года